

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ КОМПОЗИТОР

Я желал бы всеми силами души, чтобы музыка моя распространялась, чтобы увеличивалось число людей, любящих ее, находящихся в ней утешение и подпору.

П. И. Чайковский.

Могучий и светлый талант

Недавно были первый раз за эту зиму в хорошем концерте и остались очень довольны, особенно последней симфонией Чайковского.

В. И. Ленин.

Глубоко народная музыка увертюры («1812 год») — важная, мощная, льется пламенными волнами по залу... Торжественный исторический момент, изложенный в этих звуках, так хорошо рисует широкий размах народной мощи, развернувшейся на защиту своей страны.

А. М. Горький.

Я готов день и ночь стоять почетным караулом у крыльца того дома, где живет Петр Ильич, — до такой степени я уважаю его. Если говорить о рангах, то в русском искусстве он занимает теперь второе место после Льва Толстого, который давно уже стоит на первом месте (третье я отдаю Репину, а себе беру девяносто восьмое).

А. П. Чехов.

Каждый демократически настроенный слушатель сразу чутко угадал в его музыке свое, родное: в эстетической напевности, излучающей неистощимое эмоциональное тепло и ласку, он услышал сочувствие людскому страданию, а в огненной волнующей мелодике... насыщенной страстной, жадной волей к жизни, он ощутил не только порыв к радости и мечту о счастье, но и конкретную, живую радость человеческого сердца, охваченного пламенем любви. Из этого ощущения полноты реального земного счастья, достижимого человеком, и — с другой стороны, из ощущения давящей скорби, вызванной неумолимым гнетом насилия... — возник могучий симфонизм Чайковского с его трагическим пафосом...

Б. В. Асафьев.

Любимые мелодии

Я очень люблю музыку Петра Ильича Чайковского. Как-то работаете легко и живете радостней, когда по радио или на концертах услышите его вальсы, романсы или знаменитую арию Ленского.

В дни Международного конкурса скрипачей и пианистов им. П. И. Чайковского в Москве мы, молодые колхозники, после работы с увлечением слушали по радио произведения великого композитора.

Е. КАЛИНИНА,
доярка колхоза «Днягатель» Воткинского района.

Вдохновляющее искусство

Когда я был шестиклассником, мне довелось услышать по радио музыку из балета «Лебединое озеро». Она мне понравилась необыкновенной мелодичностью, выразительностью. С тех пор мой интерес к творчеству П. И. Чайковского не ослабевал. Я с большим наслаждением слушаю произведения великого русского композитора.

Они характерны правдивостью, драматизмом, непрерывным развитием музыкальных образов.

С 13-летнего возраста я играю на скрипке. Первыми произведениями Чайковского, которые я исполнял, были песенки из «Детского альбома». Потом стал играть «Канончетто» и другие, более сложные произведения.

С 1954 года участвую в симфоническом оркестре Воткинского Дворца культуры. Мы с любовью исполняем произведения Чайковского. В нашем институте есть оркестр струнных инструментов, который также играет сочинения Петра Ильича.

Л. ЛАЗАРЕВ,
студент Удмуртского педагогического института.

Наш Чайковский

С детских лет мне полюбились удмуртские народные песни. Помню, как часто вечерами моя сестра Мария брала в руки гитару и долго пела. В дом будто входили новые образы, мысли, впечатления. От нее я впервые услышал и о Петре Ильиче Чайковском.

Они характерны правдивостью, драматизмом, непрерывным развитием музыкальных образов.

Творчество П. И. Чайковского дорого нам, удмуртским композиторам, и потому, что для нас оно является непреодолимым образцом и вдохновляющим примером в овладении законами композиторского искусства.

Мы любим Чайковского, гордимся, что этот гений подарил миру родную удмуртскую землю.

Г. КОРЕПАНОВ-КАМСКИЙ,
композитор.

Большое удовлетворение

Еще школьницей я начала участвовать в кружках художественного самодельчества. В самодеятельности мотозавода я пришла в 1946 году. В репертуаре нашего хора много произведений Чайковского.

Сейчас готовлю арию «Иоланты» из одноименной оперы Чайковского. Разучила также арию Лизы из оперы «Пиковая дама».

Исполнение произведений Чайковского приносит мне большое удовлетворение.

Н. ТАРАСОВА,
намотчица мотозавода.

СТЕПАН ШИРОБОКОВ

Он дорог мне...

Он в Воткинске родился. Не тогда ль навеки сердце мальчика согрели прикаская разбуженная даль и грустный ползастушеский свистели.

Он в детстве полюбил простор полей, колосов шорох, ржи густой посевы,

людей труда — жнецов и косарей простые задумчивые напевы.

И, может быть, в заветный час такой, на клавиши легли впервые руки, и камскою раздольною волной вдруг хлынули неведомые звуки.

Так возникла музыка. Она как солнца луч, пробилась сквозь невзгоды,

великою мечтой озарена о будущем великого народа.

В той музыке — начало светлых дум, она жива в бессмертии чудесном, как звон ручья, как весенней рощи шум,

как соловья чарующие песни, России верный сын и гражданин, он дорог мне, удмуртскому поэту, стремленьем к счастью к солнцу, где ждет творца признание всей планеты.

Родился он в краю моем родном, песнь чипчигана * слушал в век далекий...

Мы вместе с ним к свершениям идем, ему я посвящаю эти строки.

Перевел с удмуртского

Ан. ПИСАРЕВ.

* Чипчиган — удмуртский народный музыкальный инструмент.

ЮНЫЕ ДАВОВАНИЯ

В Воткинском Доме-музее П. И. Чайковского уже восемнадцатый год работает детская музыкальная школа, несущая имя великого композитора. Дети машиностроителей, учителей, врачей обучаются в ней игре на различных инструментах.

Брониславу Бурову в школу привела мама. Девочка села за пианино и неуверенно положила руки на клавиатуру. Раздались нестройные звуки... Прошло время, и благодаря настойчивости преподавателей Веры Прокофьевны Хохловой девочка теперь с увлечением разучивает фортепианные пьесы.

Еще в 1945 году в школе было всего 20-25 воспитанников. Занятия вели только три преподавателя в двух классных комнатах. А сейчас детям предоставляется 14 классных комнат. Юные музыканты занимаются у 15 педагогов.

Молодой педагог Любовь Ивановна Вареникова работает здесь шесть лет. Она приехала в Воткинск из Орла и за это время полюбила и город, и школу, и ребят. Из 16 домработниц, которых обучает Любовь Ивановна, большинство отлично успевают и по музыке, и в общеобразовательной школе. Среди них Люба Диденко, Вера Юрков, Коля Сулосов, Эмма Романова. С отличием в прошлом году окончила школу Галия Гаврилова.

Многие бывшие воспитанники школы избрали музыку своей профессией. Виктор Столов, например, занимается сейчас в училище при Московской консерватории. В Воткинском музыкальном училище учится Валерий Сажин, Филипп Меламед.

Преподавателями музыки стали Муза Логвинова, Эмма Смирнова, Галия Брысова. Талантливый игрок скрипки Борис Крымовский, виолончелист Людмила Глушкова и Розы Хайруллинной не раз наслаждались на отдельных концертах и полюбиле, и юные слушатели. А самые трудолюбивые ученики удостоиваются высшей чести исполнять музыкальные произведения на роде П. И. Чайковского, находящемся в Доме-музее.

180 детей обучаются сейчас в детской музыкальной школе. На всю жизнь сохраняют они любовь к музыке, к преподавателям Л. К. Гурьеву, В. Д. Зарембу, Л. М. Бажиной, С. С. Сарвандиной, В. А. Кропачевой, которые научили их ценить и понимать ее.

Н. ЧУВЫГИН.
На снимке: преподавательница П. М. Бажина занимается с ученицей 3 класса Розой Хайруллиной. Фото Э. Леонова.

РОДИНА

(Отрывок из повести Ал. Алтаева «Чайковский».)

Он ездил часто по окрестностям Воткинска, наизусть подслушивая разговоры с провинцией, самоваром, и проводил часы на лесных полянах, у ручья или лесных реюнок. На Сергиевские минеральные воды они поехали теперь не на долгие, снаряжавшейся только на пикники, а в поместительном домике с выданными ящиками, отключились сеньями, чтобы можно было устроить походную кроватку. Ехали на четверке лошадей. Путь был дальний. Дорога казалась бесконечным пыльным холстом. Медляки леса, дужайки со стадами коров. Петя слушал, как на останках у лошадей аппетитно хрустел на зубах овес, смотрел, как кучер Тихон носил в ведре воду, отгоняя мимолетом слепней, и кричал: — У, ливанное брюхо! Ведро ему мало! Тихон указывал на снежную вдали лесную глушь: — К ночи нешто доберешься! Придется заночевать где на дороге. Хорошо, что лето: ночью хоть и знобит, ну да огонь разведешь, костер — оно и ничто.

Кругом было раздолье. Зеленая даль поемных лугов упиралась в рамку соснового леса, а небо голубело, как Петина шелковая рубашка. — Здесь, — продолжал Тихон, — одно плохо: слепни да гуси — мошк

ра — одолевают, а в других местах, по степям, скажут, не пачки богу душу отдашь. Воды нетути. — Как в пустыне Сахаре, Тихон? — Сахар, верно, там, скажут, из свеклы варят, за Киевом-городом где-то. А по-моему, эта степь еще дальше Киева тянется. Там иной раз нешто в водорозах где вода от дождя есть да в балках, а то иди хоть двадцать верст — напиться негде. Отгоняя слепней, Тихон хлестнул веткой по спине ближней лошади с темными полосами пота и добавил задумчиво: — И вот, скажи-ка ты на милость, живет человек в разных местах, а все на свою родину его тянет... Так тянет, что сахар-мелы ему давай — все не мило, весь свет ему не мил. Уж на что у другого воды в этой степи нету, а его все одно туда тянет. Скажем, моя сторона на деревнюшка дурная Мутковиню, плюнуть остается только на нее, а она мне дорожку другого какого прекрасного места... Петя задумался. Вот и их кордо

маленькие сосенки с растопыренными руками, и у них кверху подняты светлые пальчики, точно показывают на небо. Что же на небе? Птицы. Летит птица, а куда летит и зачем — неизвестно. Кругом все привычное, такое, как в Воткинске: в своем саду он тоже видит и елочку, и березки, и сосенки. А вот и то, чего в Воткинске нет: зайца! Высокий кусты, повел ушами да как прыгнет, как побегит... Тихон смеется: не лгать зайца. А чего заяц испугался, глупый? Лошади остановились перед ручьем, тряпнули головой, и сбруя брякнула. — Парит. Дождь будет. И вот, откуда ни возьмись, облака. Гуше, гуше... Собралась вместе, потемнели, нахмурились, брызнули первыми каплями. Лошади еще лили, и по ручью поспешали капли, зарываясь в воду, а спины лошадей сразу намокли и стали темными. Петя закинул голову, и капли зашевелили лоб, щеки, нос. Он ловил их губами и смеялся. Мамаша сказала, стараясь быть строгой: — Не шали! А у самой в голосе легонький смешок. Лицо у Петя сделалось мокрым. Мамаша, обхватив его, закрыла своим плечом. Под плечом уютно. А в шелку видны и трава, и ручеек, и лошади. Дождик скоро прошел. Возок катился дальше, а дальше — пригорок. Песок и кривая осина с дуплом. Если бы слезть и заглянуть в дупло — что там? Но лошади бегут... Дупло позал, а впереди темными зубчиками сияет лес. Хорош! И все такое простое, знакомое, и то, что все такое знакомое, — это-то и хорошо. Сегодня он опять сидит за фортепиано и тихонько напевает. Осень. Грустно... Грустно оттого, что мамаша собирается уехать в Петербург.

Она поедет за сестрой Зиной, кончающей институт. Тогда для Петя наступит настоящая зима. Что это? С улицы громко доносятся: Как по речке по быстр Становой едет пристав... Ох, горюшко, горе, Великое горе! Петя не понимает: какое «великое горе»? Надо спросить у папаша. Становой иногда заезжает и долго толкует о чем-то с ним. Но папаша сейчас на заводе. Может быть, Халит что-нибудь знает? Из-за притворной двери кабинета слышится голос Халита, по обыкновению напевающего одну из старинных песен: Посылала Ваню мать В ярвое поле жать: — Поди, сынок, зажни! — Вышел Ваня на крыльцо, Положил серпок на плечко, Заплакал да пошел... Не по той пошел дорожке, Не нашел своей полоски, Став чужую жать... Петя остановился на пороге. Халит убирал кабинет Ильи Петровича. — А почему не свою, Халит? Халит даже вздрогнул от неожиданности: — Да, вышь, не было своей земли, Петруша, — вот и не нашел полоски. — Так зачем его мать посылала? — То в песне сказано про крестьянку долю. Мало ли у кого нет земли, где же ее возьмешь! Петя ничего не понимал. — А отчего нет земли у них? — У всякого, говорю, своя доля, Петруша. Крестьяне и те живут на разный манер. Так в государстве во всем нашем положено, такой закон. Крестьяне одни, скажем, барские, другие — государственные крестьяне, казенные. Тем чуть полегче, как у нас на заводе. А барские пахут зем

лю барину, пахут и себе — ведь и себе хлеб надобен. А ежели у кого семья большая, ее, землицу-то, как научит меже детей делить — ну, и нет нищего: одному рожки, другому ножки останутся. — А у тебя, Халит, есть земля? — Да ведь я солдат! Солдаты хлебопашеством не занимаются. Про них и песня складена другая: — Солдатушки, браво-ребуштуки, Где же ваши матки? — Наши матки — белые палатки, Вот где наши матки! Нет, Петруша, у солдата ни земли, ни дома. Солдат на войну идет, потому как его «дело» — храбрые победы, а сестры — сабли востры... А ежели у мужика земли нет, он идет, скажем, хоть бы в бурлаки, хоть бы в рудник землю копать, руду искать. Кто к чему горазд, тем и занимается. Кого помещик посылает, кого государство назначает, ежели он казне принадлежит. Петя плохо разбирался в этом объяснении. Ладно, после спросит у папаша. А сейчас, может, Халит ему другое скажет. — Халит, а ты песню про пристава знаешь? — Про какого такого пристава? — А вот эту: Как по речке по быстр Становой едет пристав... — Эту? Кто же ее не знает! Ее всегда на заводе у нас поют! — Отчего из-за «становой пристава» «горе великое»? Халит задвинул кресло и встал за метелку, чтобы обмести пале. — А как же не горе? Дерет, поди, себе да писмоводителю с живого и с мертвого налоги да всякие поборы... Бедному человеку это чистое разорение. Ничего не поделаешь: на жалость! Его и на кривой не обделаешь. Однако недосуд мне с тобою, Петруша, толковать: придет папаша, а у меня дым коромыслом. Ты поди пока что к губернине...